

КУЛЬТУРА

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-281-294

В. П. Миронова¹

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»

Л. И. Иванова²

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»

«КАРЕЛОВ И ВЕПСОВ ТУТ НИКОГДА НЕ БЫЛО»: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В П. ЛАДВА, ПРИОНЕЖСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ³

В Республике Карелия на протяжении многих веков соседствующими являются русский и прибалтийско-финские народы. Более того, теперь абсолютно точно известно, что русскоязычную территорию Заонежья и Прионежья некогда населяли карелы и вепсы. Территориальная близость и постоянные контакты отчетливо просматриваются в лексике, топонимике, в культуре субэтнических групп русских, вепсов и карелов. Русский след в прибалтийско-финских языках и культуре наиболее очевиден, и местные жители не оспаривают этого влияния. Обратная ситуация с современным русским населением Карелии, утратившим не только связь с карелами и вепсами, но и отрицающим возможность каких-либо предыдущих контактов.

Ключевые слова: поселок Ладва Прионежского района Республика Карелия, топонимика Карелии, вепсы, карелы, русские, межэтнические связи

¹ Валентина Петровна Миронова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

² Людмила Ивановна Иванова, научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

³ Исследование осуществлено в рамках госзадания КарНЦ РАН.

V. P. Mironova

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research
Centre, Russian Academy of Sciences*

L. I. Ivanova

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research
Centre, Russian Academy of Sciences*

“THERE HAVE NEVER BEEN ANY KARELIANS OR VEPS HERE”: MAIN FINDINGS OF A FIELD SURVEY IN LADVA VILLAGE, PRIONEZHISKY DISTRICT, THE REPUBLIC OF KARELIA

Russians and Baltic Finns have been neighbours in the Republic of Karelia for centuries. Furthermore, now totally Russian-speaking Zaonezhye and Prionezhye areas used to have a Karelian and Veps population. The vicinity and constant contacts reveal themselves clearly in the vocabulary, place names and culture of sub-ethnic groups of Russians, Veps, and Karelians. The Russian traces in Balto-Finnic languages and culture are the most obvious, and locals are not in dispute over the influence. An opposite situation is observed among contemporary Russian residents of Karelia, who have not only lost all connection to Karelians and Veps, but even refute the possibility of any contacts in the past.

Keywords: Ladva Village in Prionezhsky District of the Republic of Karelia, toponymy of Karelia, Veps, Karelians, Russians, inter-ethnic contacts

В Республике Карелия на сопредельных территориях традиционно проживают три коренных народа: карелы, вепсы и русские, что позволяет именовать эту местность зоной активных межэтнических контактов. Примечательно, что еще сравнительно недавно ареал обитания прибалтийско-финских народов был значительно шире современного, свидетельством этому могут послужить многочисленные топонимистические данные, сохранившиеся до настоящего времени у субэтнических групп русских в Карелии: пудожан, заонежан и поморов. Исследователи в своих работах не раз указывали на данный факт, отмечая в топонимике следы пребывания карелов и вепсов на Заонежском полуострове и Прионежье. [Захарова, 2012, с. 146–154; Жуков, 2001, с. 62]. В настоящее время современные жители русских территорий не сохранили в памяти сведений о других «чужих» народах, ранее населявших эти места, а порой даже отрицают данный факт. Между тем, наличие в лексике русских говоров Карелии широкого пласта прибалтийско-финских (шире – финно-угорских) элементов свидетельствует о взаимодействии этих этносов [Михайлова, Рутг, 2014, с. 3–16].

Основой для данной работы послужили фольклорно-лингвистические материалы, полученные в ходе полевого исследования (поселок Ладва Прионежского района Республики Карелия летом 2019 года).

Посёлок Ладва находится в 66 километрах от Петрозаводска в Прионежском районе Республики Карелия. Согласно археологическим предположениям,

поселение находится в низине, на месте жерла древнего вулкана, но сам топоним Ладва происходит от вепского слова ‘ladv’ (кар. ‘ladvu’, фин. ‘latva’ – ‘вершина, верхушка’ [Керт, Мамонтова, 1976, с. 102].

Первое упоминание о Ладве встречается в писцовых книгах, датируемых XIV веком. В 1875 году она стала центром Ладвинской волости Петрозаводского уезда, который входил в состав Олонецкой губернии⁴.

В то время на рассматриваемой территории имелось довольно большое количество православных религиозных строений. В центре деревни, которая называлась Погостом, в 1779 году была построена деревянная Успенская церковь. Через несколько лет, в 1865 году, появился большой каменный Никольский храм⁵, а в 1868 – деревянная церковь Параскевы Пятницы (до настоящего времени она не сохранилась). Практически в каждой маленькой деревушке вокруг Ладвы была своя, хотя бы маленькая, часовня⁶.

Помимо церквей на территории Ладвы находился свой монастырь. Предание о нем было записано неким М. М-н и опубликовано в «Олонецких губернских ведомостях» еще в 1902 году, но некоторые местные жители фрагментарно помнят о нем и сегодня. Вот о чем оно гласит: «на реке Ивине стоит Ильинский монастырь, а в нем девять келий. Этот самый монастырь и был в самом центре нынешнего села Ладвы, где теперь стоит приходская церковь во имя Святой Великомученицы Параскевы. Старожилы села вспоминали, что еще сравнительно не так давно на этом месте были заметны какие-то бугры. Неумолимо все разрушающее течение времени уже успело стереть все эти бугры, так что теперь ничего не стоит доказать, что на этом месте ровно ничего и не было. Относительно места существования монастыря, не думаю, чтобы ошибались старые люди, отличавшиеся своей честностью и свято хранившие предания старины, передаваемые им отцами и дедами. Этот самый Ильинский монастырь был razoren во времена ли междуцарствия на Руси бродячими

⁴ В начале XIX века, в 1805 году, в поселении открылась первая школа.

⁵ В годы советской власти, 25 января 1936 года, постановлением Карельского ЦИК Никольская церковь была закрыта, а священник сослан в лагерь на Соловецкие острова. Местные жители активно встали на его защиту, обращались с письмами во все возможные инстанции, вероятно, по этой причине вскоре он был освобожден и вернулся в Ладву. Однако священнику запретили жить в своем доме, он не мог принимать никакую помощь от родных и односельчан, не мог даже общаться с ними. Он поселился в огромном храме, отказавшись покидать его, и зимой 1938 года умер в нем от холода и голода. В настоящее время протоиерей Павел Анохов причислен к лику святомучеников. (ФА, 3941/206, 209, 212). Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, первая цифра обозначает номер единицы хранения, вторая – порядковый номер на ней. (Далее сокращенно – ФА). Старожилы до сих пор с болью вспоминают, как в 50-е годы разрушали внутреннее убранство храма, а колокола бросали с моста в реку, и согласно легендам, их звон еще долго доносился из воды, а местные жители порой слышат его до сих пор. В 1992 году силами ладвинцев и меценатов Никольская церковь была восстановлена, но в декабре 2002 года в ней произошел пожар, и сегодня посреди деревни высятся только стены величественного храма.

⁶ . По всей видимости, в том числе благодаря этому в данном ареале записаны различные легенды, предания и духовные стихи.

шайками, или еще ранее – предание не говорит. Предание говорит, что как только монахи узнали о приближении разбойников, так всю церковную ценную утварь вложили в колокола, отверстия колоколов забили и колокола опустили в озеро у самого монастыря, теперь уже совершенно заросшее, но я помню его еще не совсем заросшим. Потом были ли монахи убиты, или разбежались – предание не говорит, но самый монастырь был разорен и с тех пор не был восстановлен. Опущенные в воду колокола долгое время каждый год под Пасху будто бы звонили в озере, как бы напоминая о себе и скрывааемых ими священных предметах, ну, а в настоящее время звон прекратился, потому де, что люди стали грешить и не достойны слышать святой звон погребенных колоколов со священными вещами» [М. М-н, 1902, с. 2].

В настоящее время на месте этого монастыря в центре нынешнего села Ладвы стоит приходская церковь во имя Святой Великомученицы Параскевы. В 1903 году в деревне Борки, которая позже вошла в состав Ладвы, был открыт Кирико-Иулитинский женский монастырь, просуществовавший до 30-х годов XX века.

О преданиях, связанных с Борками, местные жители уже не помнят, между тем они были и даже сохранились в периодической печати конца XIX века. «Борки – это пустынное место. Оно находится в Петрозаводском уезде, Олонецкой губернии, в одной версте от селения Ладвы. Здесь стоит небольшая деревянная часовня во имя св. мучеников Кирика и Иулитты, построенная крестьянином села Ладвы Аверкием Семеновым ранее половины прошлого столетия. Никаких других икон в этой часовне никогда не было, кроме одной иконы св. мучеников Кирика и Иулитты и на ней, с ними вместе, изображенного св. князя Владимира Новгородского. Икона эта местными жителями особенно чтима и почитается чудотворною по следующему поводу.

В 1833–35 годах свирепствовала в Ладве и окрестностях этого селения сибирская язва, поражавшая не только скот, но и людей. Местные жители обратились с молитвою об избавлении от этого бедствия к св. мученикам Кирику и Иулитте и, отслужив в часовне молебен, обнесли икону вокруг скота с окроплением святою водою, язва с тех пор прекратилась и не повторялась. Вследствие этого, с того времени положено праздновать 15-е июля – день памяти святых мучеников, и совершать крестный ход из местной Успенской церкви в часовню, что доселе и исполняется» [Сказание о религиозных событиях, с. 9].

Через 20 лет, когда часовенка обветшала, произошло еще одно чудо. Крестьянин из соседней деревни Терешкина горка увидел во сне святого Кирика. Он будто бы висит на часовенном кресте, ноги болтаются в воздухе, и он просит мужика обновить строение. У самого крестьянина не было никаких средств, но он взял денег в долг, и с другом не только отстроил часовню заново, но обновил в Новгороде иконописные лики, да еще и один новгородский купец, уроженец Ладвы, «приобрел три древние иконы». И часовня заиграла новым светом [Сказание о религиозных событиях, с. 9].

Благодаря широкому распространению православия на данной территории были записаны духовные стихи на русском языке. В Ладве в 1860 году И. Миролубовым зафиксирован довольно распространенный сюжет «Мучения Егория», сложившийся на основе как фольклорных, так и книжных источников [Кузнецова, 2015, с. 529–530].

Примечательно, что на рубеже XIX–XX веков об этом селе было написано и в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»: «Ладва – так называется группа селений в Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда, в 54 вер. от Петрозаводска, по берегам р. Ивины, правого притока р. Свири. 486 дворов, 3265 жителей; 1 каменная и 3 деревянных церкви. Министерское 2-классное училище, с 140 учениками; женская церковно-приходская школа, с 60 ученицами. Благотворительное общество, с капиталом 15000 руб. Ладвинские жители – известные стекольщики» [Брокгауз, 1896, т. XVII (33), с. 235].

На протяжении прошлых столетий это старинное село было известно своими купцами (одна из последних – династия Кирьяновых)⁷.

После Октябрьской революции в Ладве начала работать художественно-промышленная школа-мастерская, обучавшая воспитанниц кружевному делу, вязанию и вышивке. В Карело-Финской ССР был образован рабочий посёлок Ладва, в черту которого вошли многие небольшие деревни и хутора⁸.

Во время Великой Отечественной войны село было оккупировано финнами, на территории Ладвы действовал лагерь для советских военнопленных. И здесь же сражался партизанский отряд «Боевые друзья».

Во второй половине XX века поселок получил известность благодаря творчеству карельского художника Тамары Юфа, выпускницы Ленинградского художественного училища имени В. Серова, славу которой принесли иллюстрации карельских сказок и эпоса «Калевала».

В настоящее время территория Ладвинского сельского поселения включает лишь два населенных пункта: поселки Ладва и Пухта, где живут немногим более 2000 человек⁹.

К началу XXI века в Ладве сохранилось около двадцати разрушающихся деревянных домов, которые являются историческими объектами деревянной архитектуры XIX века. На этой территории также находятся археологические памятники – петроглифы у Сагар-порога (III–II тыс. до н.э.)¹⁰.

⁷ Купцы жертвовали свои сбережения на строительство дорог, развитие образования и медицины. С их помощью строились церкви, а монастыри получали солидные пожертвования. В 1874 году в селе было открыто Благотворительное общество вспоможения бедным, действовало Никольское приходское общество трезвости.

⁸ Альковская, Верховье, Гадарино, Иломанча, Калинкина, Канашкина, Кара, Каргуйевская, Ларькина, Лахта 1, Лахта 2, Минина, Нижнее, Посад, Ренжовская, Смиркова, Тимошина Гора, Трошкина Гора и Фенькова.

⁹ С каждым годом население значительно уменьшается, а за последние полвека сократилось практически вдвое: в 1959 году в Ладве проживало 4170 человек.

¹⁰ К историческим памятникам можно отнести братскую могилу советских воинов, расположенную в центре поселка. Все эти объекты дают возможность отнести поселение к комплексным памятникам истории.

Ежегодно научные сотрудники Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН выезжают в фольклорно-этнографические экспедиции, целью которых является фиксация материала для выяснения современного состояния традиционной культуры в поселениях Республики Карелия. Объектами изучения выбираются деревни и села, где некогда проживало по преимуществу только карельское или смешанное (карельское, вепское и русское) население¹¹. Ладвинское поселение в целом можно назвать малообследованным в фольклорно-этнографическом плане.

Опрос местных жителей свидетельствует, что в настоящее время в поселении проживают русские, украинцы, белорусы, обнаружить людей, которые бы считали себя потомками вепсов и карелов, а тем более говорили бы по-карельски или по-вепски, не удалось. Более того, у современных жителей Ладвы отчетливо прослеживается тенденция свой/чужой. К примеру, А. С. Иванищева (1929 г.р.), одна из самых интересных информантов, вспоминала, что раньше вепсов здесь называли индейцами, то есть считали чужаками. Местное население категорически отрицает возможность проживания этих народов на данной территории ранее и какое бы то ни было с их стороны влияние на местную топонимику, язык и фольклор.

Научные изыскания специалистов разных областей говорят об обратном. В целом, данные археологических раскопок доказывают присутствие прибалтийско-финских племен практически на всей территории Северо-Запада, в том числе в Посвирье [Макаров, 1997; Рябинин, 1997].

Известный языковед-финноугровед С. А. Мызников считает, что «на территории современного Северо-Запада России славяне не были доминирующим народом, их перемещение на север Восточноевропейской равнины началось еще в эпоху Киевской Руси» [Мызников, 2007, с. 7]. Продвижение на север вплоть до XIV в. – важнейший этап в сложении русской этнической территории.

Усложнение этнической ситуации связано с тем, что на Северо-Западе славянские (русские) переселенцы встречались с этнически сложным составом населения – финно-угорскими и самодийскими семьями (карелами, вепсами, саами, коми-зырянами, коми-пермяками, ненцами), которые в свою очередь также не находились в статическом состоянии, продолжая миграционное передвижение: «Так, еще в XII в. карелы обитали на землях к западу и северу от Ладожского озера, частично в Обонежье к северу от реки Свирь, где начали ассимилировать обитавшую там весь (вепсов). Основная масса карел в конце XV–XVII вв. обитала в восточной части Карельского перешейка, в северном Приладожье и на примыкавших к нему северных землях; меньшая часть их жила в западной части Северной Карелии (Лопские погосты), ассимилируя проживавших там саамов, на западном побережье Белого моря, по берегам Онежской и Кандалакшской губы» [Мызников, 2007, с. 7].

¹¹ В 2019 году полевой отряд в составе двух человек (рук. с. н. с. сектора фольклористики и литературоведения с фонограммархивом В. П. Миронова и н. с. сектора фольклористики и литературоведения с фонограммархивом Л. И. Иванова) совершил выезд в п. Ладва Прионежского района. Впервые нашим коллективом была обследована русская территория, на которой когда-то, судя по многочисленной топонимике и другим лингвистическим данным, проживали древние вепсы и карелы.

Такого же мнения придерживаются и топонимисты, указывая, что «по широте охвата русский топонимистический пласт занимает второе место после прибалтийско-финского. При этом в названиях природных географических объектов процент нерусских топонимов несравненно выше, и возникли они гораздо раньше названий населенных пунктов, еще до прихода на территорию Карелии славян» [Керт, Мамонтова, 1976, с. 15].

Явный прибалтийско-финский (точнее – вепско-карельский) след обнаруживается и в топонимике Ладвы. Рассматривая географические наименования данной местности, И. И. Муллонен подчеркивает, что сохранение микропонимов карельского и вепского происхождения «должно, очевидно, рассматриваться, во-первых, как след значительного вепского присутствия здесь, на месте современного русского села Ладва, во-вторых, как свидетельство относительно позднего обрусения этой территории» [Муллонен, 1994, с. 129]. Согласно указаниям наших информантов, вблизи Ладвы встречаются урочище Аласельга, угодье Лухта, река Киндас, озера Каскозеро и Кайдозеро, Кондиручей и Лепручей, отмель Коска, деревни Габручей, Лахта и Иломанча, названия которых, несомненно, имеют вепско-карельское происхождение.

В целом можно согласиться с выводом И. И. Муллонен относительно культуры Заонежья, возникшей на стыке двух культурных традиций – прибалтийско-финской и русской – и явившейся результатом их взаимодействия, взаимопроникновения, сплава [Муллонен, 2008, с. 2]. Аналогичная картина наблюдается и в Прионежье, в состав которого входит обследуемый поселок Ладва.

В ходе экспедиции удалось собрать разнообразный фольклорно-этнографический и лингвистический материал: зафиксированы устные нарративы о деревенском быте и Великой Отечественной войне, многочисленные частушки и загадки (в том числе, с обценной лексикой), лирические песни, предания о первопоселенцах, о монастыре и церкви, которая ушла под землю во время шведского нашествия, о затопленном в озере колоколе, звон которого жители еще долго слышали из воды.

К этнографическим материалам можно отнести рассказы-воспоминания о старинном свадебном и лечебном обрядах. Отдельно от нескольких информантов была зафиксирована ладвинская диалектная лексика: местные жители пытались вспомнить слова, которые употреблялись в повседневной речи еще лет 30–40 назад.

Ладвинский диалект относится к северно-русским говорам Карелии, которые в наши дни прекратили свое существование, исчезнув из бытового обихода. Наиболее исследованным можно считать заонежский диалект. В отличие от прионежского ладвинского он изучен практически всесторонне, начиная с фонетики, лексики и орфоэпии и заканчивая топонимикой и социолингвистикой, этимологией и социогеографией¹².

¹² С двухсотлетней историографией данного вопроса можно ознакомиться в статье С. В. Нагурной и А. П. Родионовой [Нагурная, Родионова, 2019].

Находкой нашей экспедиции можно считать переданные в Научный архив КарНЦ РАН рукописные материалы на 42 страницах, в том числе, самозаписи частушек от Иванищевой Антонины Арсентьевны (1929 г.р.). Интерес также представляет словарь ладвинского диалекта и список топонимов. Они были составлены местными краеведами, в том числе благодаря вниманию и полевым выездам лингвистов ИЯЛИ и ПетрГУ на данные территории. Таким образом, внимание и экспедиционная работа научного сообщества способствует не только собиранию и сохранению богатого языкового и фольклорно-этнографического материала, но и возрождению интереса к этим темам у местного населения.

Наиболее любопытными для нас оказались три сказки, реконструированные на ладвинском диалекте Еленой Сергеевной Гацалюк (на основе лексики, записанной от многих односельчан, в том числе от Валентины Васильевны Евсюковой), – это «Репка», «Теремок» и «Курочка Ряба». В основе диалекта лежат как карельские слова и топонимы, характерная орфоэпика (перенос ударения на первый слог: тата – отец, рипаки – пеленки, каньги – валенки, копсата – идти и др.), русская лексика, современная и устаревшая (смордунья вонючка: от смрад; баско – красиво, перст – палец). В этих примерах отчетливо прослеживаются следы древних прибалтийско-финских и древнерусского языков.

Для сравнения приведем два примера сказки «Теремок», записанных на несколько отличающихся друг от друга ладвинском и заонежском диалектах.

Сказка «Теремок». Перевод на ладвинский диалект Гоцалюк Е. С. (ФА 3941/ 56)
Досюль это было...

Стоял в поле теремок. Был не низок, не высок.

Вот по полю мышка-рибуша типает. Увидала теремок, сполохиталась да и заварандала:

– Кто этто в теремочке живёт? Кто этто в невысоком живет?

Никто мышке-рибуше в ответ не вякнул. Мышка скакнула в домик и стала пылегу пахать.

Тудыяк рибандает по полю лягушка-лепестенья. Кайганула в дверь и ну канючить:

– Кто этто в теремочке живёт? Кто пылегу пашет?

– Я мышка-рибуша. А ты кто?

– А я лягушка-лепестенья.

– Давай вместе порядню справлять.

Лягушка скакнула в теремок и стала дельницы вязать.

Тудык заяц-полохало несется. Увидал теремок, аймиштался.

– Кто этто в теремочке живёт? Кто пылегу пашет да дельницы вяжет?

– Я мышка-рибуша!

– Я лягушка-лепестенья! А ты кто?

– Я заяц-полохало!

– Давай с нами порядню справлять!

Скакнул заяц в теремок и стал опорки подшивать.

Отомедь лиса-шилопоглазка мимо шлибандала. Теремок увидала, стала из себя отеть лесную строить.

- Кто это в теремочке живёт, пылегу пашет, дельницы вяжет, опорки подшивает?
- Я мышка-рибуша!
- Я лягушка-лепестенья!
- Я заяц-полохало! А ты кто?
- Я лисичка-шилопоглазка.
- Давай с нами порядню справлять!

А лисе то и нап. Скакнула в теремок да стала карики полоскать.

На ту пору волка-шляпера на поле занесло. Увидал теремок, взяла его оторопь, стоит как остолоп.

- Кто это в теремочке живёт, пылегу пашет, дельницы вяжет, опорки подшивает?
- Я мышка-рибуша!
- Я лягушка-лепестенья!
- Я заяц-полохало!
- Я лисичка-шилопоглазка. А ты кто?
- А я волк-шляпера!
- Давай с нами порядню справлять!

Скакнул волк в теремок, порядню звери справили да стали тюрю рёпсать. Нарёпсались, заснули, а тюри ишшо осталось.

А ночесь-то, ночесь-то медведь облоежа по полю копсает врасширяногу. Учюял запах тюри, булыги вывалил да как завонгаёт:

- Кто это в теремочке тюрю трёскает?
- Звери-то спросонья опростоволосились, ответили облоеже, а молчать бы нап.
- Я мышка-рибуша!
- Я лягушка-лепестенья!
- Я заяц-полохало!
- Я лисичка-шилопоглазка.
- А я волк-шляпера! А ты кто?
- А я медведь-облоежа, пустите в теремок, будем порядню вместе справлять.

Звери набурились, не пускают смордуна. А тот пуце прежнего канючит. И полез медведь-остолоп в теремок. И срайдобал он его.

Звери сполохитались, повыскакивали, порядню побросали, сидят на поле нюнитаят:

– Что же ты наделал, бубарица ты карская! Отомедь был у нас теремок, мы там порядню справляли, тюрю трёскали, а теперь кукиш нам, а не термок.

Мораль: Не отворяйте, робёнки, ночесь дверь всяким отоверам.

Сказка «Теремок» на заонежском диалекте в обработке Людмилы Сухоносовой (<https://www.proza.ru/2013/10/12/746>)

Досюль это было. Стоит в поле теремок, теремок. Он не низок, не высок. Вот по полю мышка-рибуша идет, идет да рибухтат. Увидла хоромы, сполохалась, да и заварандала:

- Кто этта в теремочке живет? Кто этта в невысоком поживат?

Никто не ответиу. Мышка по ступеням выстала, скокнула в фатеру, да и стала пол пахатъ.

Потудыек рибондат по полю лягуха-лепестинья. Калнула в двири и прорёждайла:

- Кто-кто в хоромях живет? Кто посудой калайдат?

– Я мышка-рибуша. А ты кто?

– А я лягуха-лепестинья. Пусти меня, давай вмистях порядничать.

Лягуха выстала по ступеням. Скокнула в терем и ну дельницы вязать.

Потудык косой-полохало летит, увидеу теремок, одумаюся:

– Кто этто живет? Кто порядню справлят?

– Я, мышка-рибуша.

– Я, лягуха-лепестинья.

– А ты кто?

– Я заяц-полохало. Всих боюсь, да на что-нибудь сгожусь. Пустите меня.

– Давай с нами порядничать.

Скокнул заяц в теремок и давай катанки подшивать.

Откуль ни возмись – лиса-вылоглазья притипутала. Прилюбиуса теремок. Стала на ступени и занюгадала:

– Кто-кто в теремочке живет? Кто порядню справлят?

– Я, мышка-рибуша.

– Я, лягуха-лепестинья.

– Я, заяц-полохало.

– А ты кто?

– Я лиса-вылоглазья.

Давай с нами порядничать.

А рыжей то и нап. Скокнула в дом и давай гунья полоскать.

Напабедьи волка-булыгу на поле занесло. Увидеу теремок, удивиуса, заноял:

– Кто-кто в теремочке живет? Кто порядню справлят?

– Я, мышка-рибуша.

– Я, лягуха-лепестинья.

– Я, заяц-полохало.

– Я лиса-вылоглазья.

– А ты кто?

– А я волк-булыга, пустите погреться.

– Давай с нами порядничать.

Скокнул волк в теремок, начал загну́ту щипать да загусту варить. Пока звири ре́псали, порядню справляли, воук загусту сварил, самовар согрел. Сили все за стол, стали кашу исть да чай фырандать. Напузырились да и на покой.

Ночесь-то медведь-шатун в поле шобрал, овес ел. Увидеу теремок и ну харайдать – запах загусты почуял:

– Лей, кака хоромина баская. Кто этто в теремочке живет?

Начал двири ногой шоркать, звири-то спросонья опростоволосились, отозвались шатуну, а нап бы молчать.

– Я, мышка-рибуша.

– Я, лягуха-лепестинья.

– Я, заяц-полохало.

– Я лиса-вылоглазья.

– Я воук –булыга.

– А ты кто?

– Я медведь-шатун, пустите меня, будем вмистях порядню справлять.

Звири збазулились, не пускают мирёху, а тот харайдат свое, затым навалился всей тушей, начал рьячатк со всей силы, двири и развалились. Выбежали звири на поле, сели, начали межайдать:

– Онометь быу дом – тперь нету. Онадысь перед спатлегом загусту ели, а теперь зубы лобайдают.

Мораль: чтобы на улице от страха не либайдать, сиди ночесь дома да язык не вытягай.

Как отмечает С. А. Мызников: «оставляя в стороне археологические аргументы по присутствию практически на всей территории Северо-Запада прибалтийско-финских племен, мы можем констатировать тот факт, что ассимиляция потомков этих племен привела к вхождению в севернорусские говоры значительного объема языковых явлений прибалтийско-финского происхождения. Их можно найти во всех ярусах языка: фонетике – [г] протетическое, трактуемое как результат вепского влияния; в словообразовании – глагольные форманты -анда-, -айда-; в синтаксисе – обороты типа: у него уйдено. Однако наиболее сильный след прибалтийско-финское влияние отразилось в севернорусской лексике. Естественно, что на обширной территории Северо-Запада субстратные включения имеют свою специфику, так, например, в Обонежье, Приладожье, в Посвирье и в прилегающих к ним районах присутствие живых прибалто-финских языков подразумевает их адстратное языковое влияние, в результате которого лексический субстрат, адаптированный языковой системой русских говоров, более всего соответствует этимологически тождественной лексике карельских и вепских диалектов по форме и семантике» [Мызников, 207, с. 19].

Сам ладвинский диалект к настоящему времени практически полностью утрачен, хотя еще в 60-е годы XX века на нем говорило старшее поколение. К нему применимы те же выводы, которые сделали исследователи в отношении трансформации, приведших к полному исчезновению заонежского диалекта: «Практически исчезнувший из языковой палитры Карелии язык заонежан, являющийся реликтом древненовгородского языка, был средством коммуникации жителей Заонежского полуострова еще полвека назад. Вымирание заонежских деревень <...> привело к угасанию уникальной заонежской речи – культурного синтеза русской и прибалтийско-финской традиций» (Нагурная, 2019, с. 40). Парадоксально, но сегодня местное население полностью отрицает какое бы то ни было вепское или карельское влияние, утверждая, что представители этих народов на территории Ладвы никогда не проживали и каких-либо связей с ними не было. Сохранившемуся в обиходе прибалтийско-финскому субстрату они находят свои толкования. К примеру, название деревни Иломанча они ни в коей мере не связывают с известным финским топонимом Иломанси (финское *Pomansi*), а говорят о том, что это то же самое, что Ламанча в «Дон Кихоте». Местные жители называют старинный ладвинский диалект исконно русским, в основе которого, как они считают, лежит так называемый «тайный язык стекольщиков».

Как известно, Ладвинская волость была центром стекольного промысла в Карелии¹³. У мастеров стекольного дела был свой язык, одной из его целей было придать большую таинственность и значимость доходному делу. В середине XIX века в Ладвинском погосте этот язык записал известный собиратель фольклора П. Рыбников¹⁴. Однако, на наш взгляд, нельзя приравнивать профессиональный и территориальные диалекты, которые, возможно, первоначально бытовали обособленно. Позднее, на этапе угасания стекольного промысла, лексика стеклодувов могла проникнуть в повседневную речь местных жителей, придав местному диалекту еще большее разнообразие.

Таким образом, полученные в ходе экспедиции материалы наглядно демонстрируют, что современное местное населения поселка Ладвы относит себя к исконно русскому населению, отрицая какое-либо возможное влияние на язык и культуру со стороны соседствующих вепсов и карелов. Прежние контакты ушли в прошлое, нет межнациональных браков, местное русское население редко слышит вепсский и карельский языки и в связи с этим не может знать о наличии какой-то общей лексики. Зафиксированный современный фольклорно-этнографический материал (кроме диалектного) также практически не свидетельствует о каких-либо бытовавших межнациональных связях.

Однако следует отметить интерес местного населения к своему языку и локальной культуре. Энтузиасты активно пытаются возродить диалекты, но уже скорее не на бытовом, а на литературном уровне. Например, на заонежском диалекте пишет стихи Вячеслав Агапитов, перекладывает русские народные сказки Людмила Сухоносова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ФА – Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН 3941/206, 209, 212

Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь. Т. XVII (33) / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1896. – 499 с.

Жуков, Ю. А. Карелия в средневековье (X–XV вв.) / Ю. А. Жуков // История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – С. 61–97.

Захарова, Е. В. Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья / Е. В. Захарова // XVII век в истории и культуре Русского Севера: материалы XII Каргопольской научной конференции [14–16 августа 2012 г.] – Каргополь: Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 2012. – С. 146–154.

¹³ Из общего числа стекольщиков, 742 человек, 577 ремесленников были ладвинцами. На промысел уходили после жатвы, обычно в конце августа. Данное ремесло считалось достаточно легким и выгодным и приносило очень хороший доход [Пономарев, 1890].

¹⁴ Приведем несколько примеров из этого словаря: белямщик – стекольщик, зехать – говорить, хруст – рубль, куба – женщина, сумак – хлеб, паршак – кот, Ефес – Бог, ефесница – церковь, ковер – богач, фертенья – баня и т. д. [Рыбников, 1866].

Керт, Г. М. Загадки карельской топонимики / Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. – Петрозаводск: Карелия, 1976. – 102 с.

Кузнецова, В. П. Духовные стихи Русского Севера / В. П. Кузнецова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. – 799 с.

М. М-н. Забытое предание // Олонецкие губернские ведомости. – 1902. – № 54. – С. 2.

Макаров, Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках / Н. А. Макаров. – Москва: Скрипторий, 1997. – 215 с.

Михайлова, Л. П. Состав и принципы построения этнокультурного словаря русских говоров Карелии / Л. П. Михайлова, Т. Е. Рутт // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 13. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – С. 3–16.

Муллонен, И. И. Очерки вепсской топонимики / И. И. Муллонен. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 156 с.

Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – 242 с.

Мызников, С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / С. А. Мызников. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 305 с.

Нагурная, С. В. О языке заонежан в дореволюционных источниках (предварительный обзор) / С. В. Нагурная, А. П. Родионова // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2019. – № 2. – С. 39–47.

Пономарев, А. Я. Ладвинский приход / А. Я. Пономарев // Олонецкие губернские ведомости. – 1890. – № 81. – С. 822–823; – № 82. – С. 830–831; – № 83. – С. 840–841; – № 84. – С. 850–851.

П. Р. <Павел Рыбников> Слова так называемого биямского языка, употребляемые для переговоров между собою стекольщиками (в Ладвинском погосте) / Павел Рыбников // Олонецкие губернские ведомости. – 1866. – № 8. – С. 142.

Рябинин, Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей / Е. А. Рябинин. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 269 с.

Сказание о религиозных событиях, совершившихся в сравнительно короткое время на Бортках, близ селения Ладвы, Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. – 1884. – № 44. – С. 9.

REFERENCES:

FA – Fonogrammarhiv Instituta jazyka, literatury i istorii KarNC RAN 3941/206, 209, 212

Brokgauz, F. A. Jenciklopedicheskiĭ slovar'. T. XVII (33) / F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – Sankt-Peterburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona), 1896. – 499 s.

Kert, G. M. Zagadki karel'skoj toponimiki / G. M. Kert, N.N Mamontova. – Petrozavodsk: Kareliya, 1976. – 102 s.

Kuznecova, V. P. Duhovnye stihy Russkogo Severa / V. P. Kuznecova. – Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2015. – 799 s.

M. M-n. Zabytoe predanie // Oloneckie gubernskie vedomosti. – 1902. – № 54. – S. 2.

Makarov, N. A. Kolonizaciya severnyh okrain Drevnej Rusi v XI–XIII vekah / N. A. Makarov. – Moskva: Skriptorij, 1997. – 215 s.

Mihajlova, L. P. Sostav i principy postroeniya jetnokul'turnogo slovarya russkih govorov Karelii / L. P. Mihajlova, T. E. Rutt // Severnorusskie govory: mezhvuz. sb. Vyp. 13. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014. – S. 3–16.

Mullonen, I. I. Oчерki vepsskoj toponimiki / I. I. Mullonen. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1994. – 156 s.

Mullonen, I. I. Toponimiya Zaonezh'ya: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentarijami / I. I. Mullonen. – Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2008. – 242 s.

Myznikov, S. A. Atlas substratnoj i zaimstvovannoj leksiki russkih govorov Severo-Zapada / S. A. Myznikov. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. – 305 s.

Nagurnaja, S. V. O jazyke zaonezhan v dorevoljucionnyh istochnikah (predvaritel'nyj obzor) / S. V. Nagurnaja, A. P. Rodionova // Vestnik Pomorskogo universiteta. Serija "Gumanitarnye i social'nye nauki". – 2019. – № 2. – С. 39–47.

Ponomarev, A. Ja. Ladvinskij prihod / A. Ja. Ponomarev // Oloneckie gubernskie vedomosti. – 1890. – № 81. – S. 822–823; – № 82. – S. 830–831; – № 83. – S. 840–841; – № 84. – S. 850–851.

P. R. <Pavel Rybnikov> Slova tak nazyvaemogo biljamskogo jazyka, upotrebljaemye dlja peregovorov mezhdu soboju stekol'shnikami (v Ladvinskom pogoste) / Pavel Rybnikov // Oloneckie gubernskie vedomosti. – 1866. – № 8. – S. 142.

Rjabinin, E. A. Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi. K istorii slavjano-finskih jetnokul'turnyh svjazej / E. A. Rjabinin. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Petrburg. un-ta, 1997. – 269 s.

Skazanie o religioznych sobytijah, sovershivshijsja v sravnitel'no korotkoe vremja na Bortkah, bliz selenija Ladvy, Petrozavodskogo uezda Oloneckoj gubernii // Oloneckie gubernskie vedomosti. – 1984. – № 44. – S. 9.

Zaharova, E. V. Karel'skij sled XVII veka v toponimii Vostochnogo Obonezh'ya / E. V. Zaharova // XVII vek v istorii i kul'ture Russkogo Severa: materialy XII Kargopol'skoj nauchnoj konferencii [14–16 avgusta 2012 g.] – Kargopol': Kargopol'skij gos. istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej, 2012. – S. 146–154.

Zhukov, Ju. A. Kareliya v srednevekov'e (X–XV vv.) / Ju. A. Zhukov // Istorija Karelii s drevnejshih vremen do nashih dnei. – Petrozavodsk: Periodika, 2001. – S. 61–97..